
СТАРШОЙ СОВЕТСКОЙ МЕТОДИКИ

Памяти Григория Евгеньевича Веделя

Сейчас, когда я пишу эти строки, наступил девятый день с момента кончины Григория Евгеньевича Веделя. Душа его еще витает над Землей, над его Домом, над всеми близкими ему людьми. А мне никак не удается до конца осознать, что уже никогда я не увижу его приветливую улыбку, не услышу его тихий, ласковый голос...

Кем он был для всех нас? Не могу подобрать более подходящего определения, чем «Старшóй советской методики». Словарь утверждает, что «старшóй» – синоним к слову «старший», к тому же с пометой «простореч.», «обл.». Для меня же «старший» звучит официально, несколько формально; «старшóй», напротив, придает коннотацию близости и душевности. «Старшóй» – значит н а ш: наш старший коллега, наш старший брат, наш старший товарищ – вообще, «н а ш человек».

Не знаю, понравились бы ему мои лингвистические изыски (сам Григорий Евгеньевич был филологом от Бога), но уверен, что скромность его взбунтовалась бы – он всегда смущался и переводил разговор на дела собеседника, как только слышал добрые слова о себе. И когда я вспоминаю это, мне становится горько от того, что я недоговорил ему всего, что о нем думаю, что чувствую; недодал того, чего он стоит.

Мы не всегда разделяли научные взгляды друг друга, но это не мешало нам ощущать то, что немцы называют *Wahlverwandschaft*, редчайшее среди учебного сословия качество: не переносить разногласия во взглядах на человеческие отношения. Григорий Евгеньевич обладал этим качеством.

Никогда не задумывался над тем, почему я всегда ощущал некий безусловный пиетет по отношению к нему. Он был одним из немногих, кого я, будучи в методике не очень комплиментарным (мягко выражаясь), никогда не подвергал (публично!) даже самой мягкой критике. И только сейчас понял, что в этом было нечто от сыновнего отношения к человеку, который относился ко мне по-отечески. А его отношение ко мне было именно таким – не формально-уважительным, а отечески-заботливым. Это проявлялось во всем: в постоянном интересе к моим делам, в тональности беседы, даже в такой, казалось бы, «мелочи»: он почти всегда первым поздравлял меня с праздником.

© Пассов Е. И., 2010

Сколько бы тебе ни было лет, когда уходят родители – ощущаешь себя сиротой. Я это сиротство ощутил дважды: когда умерла Галина Владимировна Рогова, и вот сейчас, когда не стало Григория Евгеньевича. В научном плане моим духовным отцом был Эммануил Петрович Шубин, но говоря о Григории Евгеньевиче, я имею в виду человеческий аспект нашего земного бытия. Кто знает, что важнее? Возможна ли односторонне-научная жизнь без сугубо человеческой? Может быть, возможна, но она была бы ущербной.

Я думаю, что объективный исследователь, который возьмется за написание подлинной истории методики как науки, не сможет не отметить той роли, которую сыграл в развитии нашей науки Григорий Евгеньевич. Это – не преувеличение как дань моменту утраты, я и ранее неоднократно высказывал эту мысль.

60–70-е годы прошлого столетия, безусловно, можно считать золотым веком отечественной методики, которая, на мой взгляд, заняла ведущее место в мире. Этот рывок никогда не удалось бы сделать, если бы Григорий Евгеньевич Ведель «со товарищи» (Анатолий Петрович Старков и Владимир Александрович Слободчиков и многие другие) не пробили брешь в железобетонной стене традиционного сознательно-сопоставительного метода. Насколько трудно это было сделать, можно судить хотя бы по одному факту: «революционерам» и новаторам противостояла Академия педагогических наук, имевшая разветвленную систему сторонников во всех республиках СССР и на всех командных постах. И тем не менее они совершили это!

Сейчас можно сколько угодно долго рассуждать о том, что принципы обучения нужны не совсем те, на которые опирались новаторы. Да, многое изменилось. Но только потому, что кто-то должен был «прикрыть амбразуру» своей научной интуицией, своими знаниями, своим чувством нового, своими нервами, наконец. И среди первых был Григорий Евгеньевич Ведель – неформальный лидер и застрельщик. История не может этого забыть.

Думаю, что история сделает достоянием методики и другой факт, о котором мало кто знает. В любом учебнике методики можно прочесть, что отцом сознательно-практического метода является Б. В. Беляев. Он действительно создал и описал этот метод в

своей монографии. Но еще раньше о сознательно-практическом методе заявил Г. Е. Ведель. Его работа была напечатана... на латышском языке и поэтому осталась незамеченной. Помню, как он рассказал мне об этом, помню горечь в его голосе... Я предложил ему восстановить справедливость, но он отказался: благородство для него оказалось выше авторства. Для этого надо было очень любить науку. Тем более, что ни с одной стороны плагиата не было. Подходы обо-

их ученых были разными. И только через 40 лет в последней книге Григорий Евгеньевич описал свой сознательно-практический метод.

Бог дал ему большую жизнь. Не просто долгую, а большую. И Григорий Евгеньевич с честью оправдал этот дар Божий. Именно благодаря Веделю деятельность Воронежской методической школы останется важной вехой в истории отечественной методики.

Вечная ему память.

*Е. И. П а с с о в,
доктор педагогических наук, профессор*